

Я смотрю на тонкие красивые руки скрипача и не могу поверить, что они могут свободно орудовать ледорубом, вбивать в твердую породу крюки, писать пейзажи, искусно владеют столярным инструментом. И еще мне всегда казалось, что в доме музыканта живут звуки фортепьяно, скрипки, но никак не звонкие «голоса» трех забавных псов. А тут еще птицы, рыбки. И на стеллажах — много-много книг.

— Игорь Васильевич, ваша домашняя библиотека — свидетельство любви к книге. Скажите, пожалуйста, какие литературные произведения вы считаете определяющими, оказавшими влияние на формирование вашего характера?

— В 16 лет я влюбился в героя Джека Лондона — Мартина Идена. И не удивительно: этот писатель нравился всем мальчишкам; я воспринял Идена как идеал и образец для подражания. Еще бы: сколько воли, энергии проявил этот полуграмотный парень, чтобы добиться цели! Он стал первоклассным писателем! Тут есть чему поучиться. Книга эта в свое время дала мне такой заряд энергии! Я понял, что нельзя прозябать, надо гореть, бороться — только тогда поймешь свою жар-птицу.

Та же жизнеутверждающая сила поразила меня в произведениях Николая Островского «Как закалялась сталь» и Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Да, так и только так стоит жить.

— Как часто мы сетуем на то, что не хватает времени. Но, как видно, вы на это не жалуетесь, хотя дел у вас по горло. Расскажите, пожалуйста, как вы проводите досуг?

— Для меня в самом деле не существует проблемы свободного времени. Да я и не понимаю, как можно скучать, когда вокруг столько интересного. Взять хотя бы обычные прогулки в лесу. Это минуты счастья. А общение с увлеченными людьми, книги, спектакли, живопись? Жаловаться в наше время на скуку, по-моему, абсурд. Есть любители тихого отдыха. Мне это не по душе. Поехав раз в дом отдыха — не выдержал, сбежал. В свободную минуту всегда нахожу себе занятие. Взять хоть маски, фигурки из дерева. Коллекция моя начала складываться из сувениров, привезенных издалека, где мне довелось побывать на гастролях. А потом я и сам рискнул взять в руки топорик, нож, стамески и произвести на свет вот эти забавные лица — мудреца, весельчака, «последнего из могикан»...

— Резьба по дереву сейчас очень популярна. Но учебников, рассказывающих о приемах тонкого искусства, почти нет. У вас, наверное, были учителя?

— Это увлечение, как и многие другие в моей жизни, связано с горами. В одном походе я познакомился с крупным ученым — физиком Аркадием Бенедиктовичем Мигдалом. Мы подружались. Я узнал о его увлечении — резьбе по дереву. У него выходили довольно интересные поделки. Я тоже решил заняться резьбой. Первые свои работы показал в театре нашим специалистам. Сами они — скрипач и два альтиста — начинали с любительства, а нынче это признанные мастера скрипичных инструментов. Так после нескольких консультаций я овладел секретами резьбы по дереву.

— Игорь Васильевич, а кого вы считаете своим первым учителем музыки?

— Отца. Сорок пять лет отдал он оркестру Большого театра и свою огромную любовь к музыке, свои знания передал мне. В 1974 году начался мой 33-й сезон в прославленном оркестре, а наша фамилия известна в театре уже более ста лет.

Стать скрипачом я решил в пятилетнем возрасте. В десять меня приняли в школу при Московской консерватории. Учился у выдающегося педагога Льва Моисеевича Цейлина. Потом консерватория. Окончил ее с отличием. Война. Стал зенитчиком. В 1942 году приказом я был демобилизован и направлен в оркестр Большого театра, который начал давать спектакли для советских воинов. О работе в этом прекрасном музыкальном коллективе я мог только мечтать. Наш репертуар зрители принимали очень тепло, и мы чувствовали

себя бойцами — участниками Великой Отечественной: в наступление шло искусство.

Вскоре я стал пробоваться как солист, а затем после серьезных и трудных конкурсов стал концертмейстером.

— Как вы стали дирижером?

— Произошла еще одна неожиданность. Однажды мне позвонили домой, попросили приехать в театр. Оказалось, что дирижер балета «Конек-Горбун» задержался на берлинском аэродроме... До спектакля я успел прочесть лишь первую половину партитуры «Конька-Горбунка», остальное дочитывал в антракте. К удивлению оркестрантов, все прошло как нельзя лучше. С того вечера я дирижирую этим балетом.

кого впечатления. Попробовав отрывки из спектакля, будто шупал оркестр. Но на спектакле дирижировал совсем другой Никиш: глаза его горели. И хотя в руке не было даже дирижерской, а тем более волшебной палочки, казалось, что он чародей. После спектакля каждый утверждал, что дирижер смотрел только на него. Великий музыкант подарил оркестру минуты подлинного вдохновения.

— Вам и самому приходилось migrать с замечательными дирижерами. Что, по-вашему, важно во взаимоотношениях дирижера и исполнителей?

— Мне особенно был дорог Мелик-Пашаев. Тонкий, обязательный человек,

Человек определяется еще и по тому, как относится он к несчастью ближнего. Помню, мы пришли в группу Овчарова на спасательные работы. Виталий ухаживал за пострадавшими, скинул с себя теплые вещи, им отдал. Вот это руководитель! Вообще аварии в альпинизме происходят в основном по вине самих людей. Особенно важна роль тренера. Нужно обладать большой силой воли, чтобы пройти какие-нибудь 5—10 метров до безопасной зоны, и руководитель должен повести за собой людей.

В подготовке к восхождению необходим точный инженерный расчет. Карты, снаряжение, состав группы, продукты — все должно быть продумано

«Московский Воксмен» 12 янв 1975

Воскресные ВСТРЕЧИ МК

РОЖДЕННЫЕ ДЛЯ ВЕРШИН

Наш гость — Игорь Васильевич СОЛОДУЕВ,
концертмейстер Большого театра, заслуженный
артист РСФСР, мастер спорта СССР.

— Конечно, неожиданный успех не мог быть случайным. Ни с того ни с сего не встанешь за дирижерский пульт и не начнешь руководить огромным оркестром.

Примазываясь, я всегда думал о дирижировании. Еще в консерватории студенты-старшекурсники создали кружок. Мы были молоды, мечтали о большой музыке, стремились переиграть все, что написано до нас и при нас: Вагнера, Шенберга, Малера, Прокофьева, Стравинского.

Кружок посещали Рихтер, Пейко, Ведерников, Разоренов. У каждого был свой почерк. Святослав Рихтер, например, мгновенно читал с листа и тут же играл так, будто он на концерте. Талантливый пианист Дмитрий Гусаков, позже погибший на фронте, знал наизусть всего Вагнера. Сергей Разоренов приносил нам свои концерты.

В то время я узнал много новых скрипичных концертов и научился свободно ориентироваться в музыке. Но хотелось большего: стал учиться композиции в классе Шебалина.

Играя в оркестре Большого театра, я пытался постичь тайны крупнейших наших мастеров — Мелик-Пашаева, Самосуда, Хайкина, Светланова. Ведь концертмейстер — правая рука дирижера.

Однажды Геннадий Рождественский спросил: «Какова, по-вашему, роль концертмейстера?» И я подумал — концертмейстер в тысячные доли секунды первый должен уловить замысел дирижера и повести за собой группу инструментов. Словом, не зная основ дирижирования, нельзя стать хорошим концертмейстером.

«Дирижирование — это индивидуальное дарование. Но это индивидуальное дарование может не сразу выявиться, а выявившись, потребует наверняка шлифовки», — говорил Рахманинов. Слова великого музыканта кажутся мне очень точными. По-моему, дирижеров не стоит готовить специально в консерватории. Прежде всего надо стать зрелым музыкантом-исполнителем. Недаром Светланов превосходный пианист и композитор; Рождественский — также блестящий пианист.

Моему отцу довелось играть в оркестре под управлением талантливых мастеров.

Я помню, как он восхищался венгерским дирижером Никишем. На репетиции этот маленького роста рыжий человек не произвел ни на

одаренный музыкант, он позволял нам быть самостоятельными, дерзать. А в оркестре нельзя без контакта, доверия, без возможности совместных открытий. Исполнитель мечтает видеть в дирижере товарища.

— Товарищеская поддержка здесь, наверное, так же необходима, как на высоте 4000 метров?

— «Один в поле не воин». В горах это особенно ощутимо. Коллектив, товарищ в альпинизме чуть ли не самое главное. Не понимаю тех, кто легко меняет группу. Ты на сто процентов должен быть уверен в человеке, который связан с тобой одной веревкой: он не пожалеет своей жизни, спасая твою, так же, как и ты, не пощадишь себя, спасая его.

Когда я начинал занятия альпинизмом, у меня был постоянный напарник — Виталий Овчаров. Говорили, что мы как один человек: я легкий, подвижный, он — могучий; я порывистый, он — спокойный. На высоте каждое движение должно быть рассчитанным, экономным, а нам и разговаривать не требовалось: жест, свист — и все понятно. Один физиолог, работающий в области космической медицины, уверял, что мы с Овчаровым — готовый экипаж космического корабля.

— Игорь Васильевич, вас называют человеком многих вершин. Вы не раз были первовосходителем. Что, на ваш взгляд, определяет успех экспедиции в горах?

— Для меня восхождение начинается в Москве, и заботиться прежде всего надо опять-таки о составе группы. Горы не выносят слабых духом. Как бы ни был физически подготовлен альпинист, он не может победить, если не обладает характером. Прежде чем достигнешь цели, измотают крутизна подъемов, непроходимость снежных полей, ураганный ветер, измучит кислородное голодание.

Странное дело, никто тебя в горы не гонит, а ты идешь, не останавливаясь, по 14 часов в день.

С горами шутки плохи: альпинист, как и сапер, лишь раз ошибается. Тут не только второе — шестое дыхание открывается. Вот почему в горах происходит своего рода естественный отбор: бесхарактерным, трусам, подлецам на вершину не подняться. А человек на высоте кристально ясен. Допустим, вытащит кто-то на отдыхе из рюкзака конфету, съест втихомолку. Такой нам не нужен: кто поручится, что в плохую минуту он не утаит последнего куса?

еще дома. А перед восхождением необходимо провести разведку. Траверс Шхельды потребовал, например, шести предварительных восхождений.

— Альпинизм — спорт не для зрителей, здесь нет трибун стадиона и поддержки болельщиков. Никто не видит, как ты борешься и побеждаешь. И все же этот опасный вид спорта привлекает все больше и больше спортсменов. Скажите, пожалуйста, почему из всех видов спорта вы выбрали альпинизм?

— Да, альпинизм — опасный вид спорта. Но именно в поединке с такой мощной силой, как горы, понимаешь, сколь велик человек — выдержкой, волей, самообладанием. Альпинизм, по моему, прекрасно воспитывает характер. Недаром на юбилейной медали клуба словенских альпинистов выбито «IAMES»: «Идеализм, Альпинизм, Мораль, Энтузиазм, Солидарность».

Почему меня потянуло в горы?

Как-то я прочел запись в одном путевом дневнике: «Утром, когда альпинист ступает на ледник, восходит солнце. Ледник напоминает сцену Большого театра, когда занавес только что поднят и сцена поражает взгляд неправдоподобной ясностью света, яркостью красок, экспрессией застывших лиц актеров, а увертюра гремит трубами, литаврами и фанфарами».

Думаю, красота гор столь же гармонична, сколь сочинения, скажем, Моцарта. Представьте: солнце освещает неземной, фантастический пейзаж. На голубом небе — точеные рельефы скал в шапках вечных снегов. Разве мало в этом музыки? Такими я увидел горы впервые, запомнил и полюбил навсегда. Именно красота привлекала меня поначалу, лишь позже пришло желание вступить в поединок с неподдающимися отвесами.

— Вы уже расстались с альпинизмом, но, наверное, красота гор и сейчас впечатляет вас, да и в спортлагерях немало ваших друзей, учеников?

— Этим летом произошла встреча с таганрогскими альпинистами, и оказалось, что я их «альпинистский дедушка»: мой воспитанник Вадим Барзыкин основал там секцию. Сколько посыпалось вопросов — о первых восхождениях, о Большом театре, друзьях!

А что вы хотели бы пожелать своим альпинистским «внукам» и «правнукам»?

— Горы мертвы без людей, а человек рожден для непокоренных вершин.

Беседу вела Г. ЦЕСАРСКАЯ.